

Опубликовано: *Богачева М.В.* Взаимодействие национальных языков и культур в зеркале имен собственных (на материале пермской ойконимии 1928 г.) // Мова і культура. Киев: Видавничий Дім Дмитрия Бураго, 2002. Вип. 5. Т. 3. Ч. 1. Національні мові і культури в их специфіці та взаємодії. С. 38-45.

Взаимодействие национальных языков и культур в зеркале имен собственных
(на материале пермской ойконимии 1928 г.)

Богачева М.В.

Пермь

В настоящей публикации мы обратились к географическим именам собственным Западного Урала, и конкретно — Пермской области. Исторически на данной территории сложилась весьма не простая этническая ситуация, определяющая специфику культурной, экономической, языковой жизни региона.

Особенности межэтнических контактов, жизни и мировосприятия, быта и бытия, с неизбежностью нашедшая отражение в языке (т.е. именно то, что формирует такое многогранное явление, как культура, и такой феномен, как языковая картина мира), прекрасно демонстрируется именами собственными.

Лексикологи обычно называют несколько возможных источников исторической (социальной и лингвистической) информации: топонимы (гидронимы, ойконимы, урбанонимы и др.), антропонимы (главным образом личные имена, фамилии, прозвища), фольклорные произведения, памятники письменности, произведения художественной литературы. Максимально полные, точные, достоверные сведения, безусловно, может дать только комплексное их изучение. Однако, пока у нас недостаточно проанализированы и систематизированы факты разрозненных источников, мы не сможем сделать научно значимые обобщения. В настоящее время актуально исследование данных по каждому отдельному источнику.

В целом называемые учеными источники могли бы быть разделены на две группы, которые условно можно назвать лексической (имена собственные) и

текстовой (письменные свидетельства). В числе письменных свидетельств самыми информативными видятся памятники, создающие наиболее широкий культурный и лингвистический контекст. В отношении же имен собственных скажем, что, как представляется, наиболее важный и достоверный материал дают географические названия. Во-первых, в отличие от фамилий, они имеют жесткую географическую привязку. Во-вторых, сами географические именованья черпаются из различных (главным образом) письменных свидетельств, а в зависимости от степени надежности исторических документов (места фиксации имен собственных — памятника письменности, списка населенных пунктов) она имеют и определенную временную привязку. Топонимы при грамотном их анализе способны дать информацию об истории заселения края и миграции народов, о географических особенностях данных территорий и т.д. Подобного рода сведения черпаются посредством анализа словообразовательных характеристик топонимов. Углубление же в семантику лексем, легших в основу названий, позволяет непосредственно проникнуться особенностями уклада жизни, мышления, психологии, менталитета наших предшественников.

Материалом для настоящего исследования послужили ойконимы, зафиксированные в «Списке населенных пунктов Уральской области» 1928 г. Уральскую область, образованную после Октябрьской революции, составляли значительные территории: входящие ныне в Кировскую, Пермскую, Свердловскую, частично в Томскую область, Удмуртию. Отобраны были географические названия населенных пунктов тех округов (Верхнекамского, Пермского, Кунгурского, Сарапульского) и их районов, которые были зафиксированы на тех землях, которые теперь включены в состав современной Пермской области.

Сам справочник является наиболее полным, отражающим практически все употреблявшиеся именованья поселений, в том числе имеющие диалектные основы. Пospорить количественно с данными справочника из всех имеющихся

в нашем распоряжении (а это списки населенных пунктов Пермской губернии за 1869, 1904-1910 гг., Уральской области за 1928 г., Пермской области 1963, 1968, 1969, 1982, 1993 гг.) может только список 1904-1910 гг. Однако сведения 1928 г. значительно ценнее, поскольку дают обширный материал для сопоставления, дают возможность с большой четкостью проследить общие тенденции именовании географических объектов, т.к. после революции возникло огромное количество новых, преимущественно мелких поселений (хуторов, выселков, починков и т.п.), а значит, и их названий, часть которых со временем исчезла, частично сохранилась.

Очень важным для исследования оказывается уже то, что топонимы, и прежде всего ойконимы, которые извлекаются из официальных источников, на момент фиксации были связаны с **живой** речью. Иначе говоря, географические названия представляли собой не «затвердевшие» в официально-деловой письменности формы, а формы, употреблявшиеся в обыденной речи. Как следствие, географические названия отразили не только и не просто характерные фонетические черты, особенности словообразования, лексическую систему русских говоров Верхнего и Среднего Прикамья определенного периода, но и (в названиях иноязычного происхождения или в названиях, образованных от заимствования) особенности взаимодействия русского языка с языками местных этносов: фиксация происходила на русском, а значит, в данном случае он выступал как язык-реципиент. Взаимодействие происходило, как свидетельствуют онома, на всех доступных свидетельству языковых уровнях: фонетическом и фонематическом, словообразовательном и морфологическом, лексическом и семантическом, и даже синтаксическом, а в конечном счете и на уровне ментальном. Так, например, именно под воздействием русских ойконимов в топонимической системе Пермской области иноязычные названия приобретали соотносительные компоненты типа *Верхний / Средний / Нижний, Большой / Малый, Первый / Второй / Третий* и под.:

Большая Ульва, Новый Ашан, Верхний Шагирт, Старый Шагирт, Большой Кикус, Нижняя Искильда и др.

Как известно, Урал — территория вторичного, достаточно позднего заселения русскими. Хотя новгородцы (первыми — именно они) стали проникать сюда уже с XI века, постоянные поселения они стали основывать лишь с XIV века. Исконным, аборигенным населением были представители финно-угорской языковой семьи. Прежде всего это были носители языков пермской группы (коми-пермяцкого, коми-зырянского, коми-язьвинского, удмуртского). Так, коми некогда занимали юго-западные территории и западные районы центральной части современной Пермской области (что нашло отражение в именах собственных, главным образом в гидронимии) и лишь позднее они были вытеснены в северную часть области. Приблизительно в IX веке н.э., по данным исторической науки, на северо-западных землях поселились носители угорской группы финно-угорских языков — ханты и манси. Несколько позднее в Среднем Прикамье обосновались тюрки — башкиры, а помимо этого, татары, перекочевавшие с дальневосточных территорий России, постепенно расселившиеся в Сибири, а затем и за Уральским хребтом. Тем самым к XIV веку на интересующих нас землях этническая и языковая ситуация уже представляла собой пеструю картину. И с течением времени, с приходом русских эта ситуация еще более осложнилась.

С одной стороны, русский язык стал служить интернациональным средством общения, которое способствовало установлению тесных межэтнических контактов. Иными словами, русский язык способствовал интегративным тенденциям в многонациональном сообществе на Западном Урале, а в целом — в России донационального периода.

С другой стороны, такое, весьма, как отмечалось, «пестрое» окружение сказывалось на русских диалектах. Неизбежно происходил постоянный взаимообмен в области культуры, экономики, языка между коренными жителями и русскими. Обстановка осложнялась еще и тем, что русские,

проникавшие в Прикамье водными путями через северные территории, неизбежно контактировали по мере продвижения с северными народностями и с носителями русских диалектов, сложившихся в условиях взаимодействия с этими народностями. В частности, тесную связь пермских русских диалектов и северных говоров (архангельских, олонечких и т.п.) демонстрируют памятники письменности [1].

Сравните, например, как охарактеризовал ситуацию, сложившуюся на Урале, А.К.Матвеев: «... на территории Урала в древности неоднократно сменялось население — иранское, финно-угорское, тюркское, а возможно, и неизвестное нам по этническое принадлежности, причем эта смена далеко не всегда происходила мирным путем в процессе длительной ассимиляции, которая необходима для усвоения топонимической системы предшествующего этноса. Урал был проходным двором в эпоху переселения народов» [2].

Вполне естественно, что русские перенимали у местных жителей, уже в древние времена адаптировавшихся к достаточно суровым местным условиям, специфические черты уклада жизни, ремёсла, особенности возведения строений, изготовления одежды, обуви, головных уборов, приготовления пищи и т.д., и т.д., вступали в смешанные браки. В свою очередь и местное население что-то заимствовало у русских. Всё это неизбежно отражалось на психологии, мышлении, в культуре, в конечном счете — на менталитете жителей Верхнего и Среднего Прикамья. Наконец, специфика жизни и мироощущения не могла не проявиться в языке: появлялись новые понятия, новые реалии, а значит, и их вербальное выражение.

Особо следует оговорить то, что на характер адаптации иноязычного названия к русской среде неизменно накладывала свой отпечаток специфика национальной культуры «отдающего» народа. В конечном итоге это связано с особенностями взаимодействия народов Западного Урала на протяжении длительной истории их сосуществования. Так, русские с приходом на территорию Верхнего и Среднего Прикамья очень часто контактировали с

финно-уграми. В итоге именно те подверглись в значительной степени ассимиляции пришлым народом. Безусловно, самым ярким, самым говорящим свидетельством того служит воздействие русских в области религии. Как известно, финно-угорские народности (прежде всего коми-зыряне и коми-пермяки) были христианизированы русскими миссионерами. И в данном случае достаточно вспомнить лишь, насколько плодотворна была деятельность Стефана Пермского, проповедовавшего православие среди коми-зырян. Как следствие, значительное влияние на финно-угорскую материальную и духовную культуру закрепилось и в языке, в частности ниже это будет показано на примере личных имен.

Явление совершенно иного порядка, своего рода «вещь в себе» — тюркская культура. Финно-угры к моменту прихода и закрепления на пермских территориях русских еще оставались язычниками, и тем легче было обратить их в православие, а тем самым способствовать их последующей ассимиляции. Тюрки же (в нашем случае — татары и башкиры) проповедуют ислам, который сам по себе является закрытой системой. Это стало причиной весьма любопытного факта. Данные пермской ойконимии 1928 г. демонстрируют то, что татарские и башкирские названия населенных пунктов крайне редко оформлялись русскими формантами, главным образом это происходило в центральных районах области. На юге же (точнее, юго-западе) тюрки сберегли в неприкосновенности абсолютное большинство названий, что, вероятно, и продиктовано стремлением носителей мусульманских традиций сохранить свою религиозную, а значит, и культурную, и языковую независимость.

Любопытно, что редки также поздние заимствования из тюркских языков в русский и наоборот в области *нарицательной* лексики; данный факт демонстрирует анализ основ имен собственных. Впрочем, это могло быть вызвано не только недостаточными контактами двух этнических групп, в частности постольку, поскольку в тюркских ойконимах гораздо чаще, чем у

русских, отражались антропонимы (личные или родовые имена), нежели апеллятивы.

Возможно, теми же причинами объясняется тот факт, что в лингвистической литературе по Пермской и в целом уральскому краю в значительной степени изучены коми (особенно коми-пермяцкие) имена собственные, в то время как к тюркским географическим наименованиям обращались крайне редко и явно недостаточно.

В полном соответствии с историческими особенностями формирования этнической картины на пермских территориях географические названия делятся на исконно русские и заимствованные. Анализ особенностей *формы* заимствованных топонимов показывает, что для топонимической системы Пермской области характерно 3 их основных типа (3 основных способа адаптации): а) иноязычные ойконимы, заимствованные русскими без изменений; б) иноязычные ойконимы, заимствованные русскими с фонетическими изменениями; в) иноязычные по происхождению ойконимы, содержащие русские форманты. В ряде случаев ассимиляция названий русскими сопровождалась изменениями морфологического порядка. Помимо перечисленных, в этот ряд необходимо включить в качестве типа подобного рода именовании кальки. И здесь же отметим: поскольку русские — вторичное население Пермской области, нельзя говорить о заимствовании (без изменений со стороны формы) собственно русских географических названий коренными народами.

Итак, многочисленные иноязычные топонимы входили в русский топонимикон без изменений. В этих случаях о том, что топоним является иноязычным по происхождению, прежде всего свидетельствует не свойственный русской системе географических имен собственный формант. К числу таких топонимических показателей относятся, например: коми -ва (*Верх-Косьва, Челва*), -дор (*Янидор*), -ты (*Мурты*), -горт (*Уштыгорт, Мысагорт*), -ыб/-об (*Ныроб, Лыз-Ыб*), -кар (*Кудымкар, Пыскор*), -шор, -шер (*Чаньшор,*

Виашор), -вож (*Ош-Вож, Унвож*), -чер (*Мытчер*), удм. -шур (*Гучунишур*), манс. -ым/-им (*Волим, Разим*), тюрк. -ым/-им (*Култым*), -ай (*Аптугай, Султанай*), -аш (*Каспаш, Шавляш, Бияваш*) и т.д., и т.д. Изменения при ассимиляции таких онома выразилось единственно в приобретении данными наименованиями русской системы склонения (как правило, существительных, реже — прилагательных).

Однако в ряде случаев звуковое оформление топонимов оказалось неприемлемым для русского языка. Прежде всего необходимо отметить те случаи, когда в фонематическую структуру слова входили звуки или сочетание звуков, отсутствующие в русском языке, ср., например, изменения: коми фонема *ц* > *о/е* (ср., х. *Шиншор* на р. *Шиншер*), *дж* > *ж* (*Джинтуй* > *Жинтуй*), *ы* > *и* (*Ык* > *Ик*), *е* > *и* в безударной позиции (*Вежаю* > *Вижай*) и т.д. Ср. также: тюркское по происхождению наименование *Тюндюк* исследователи возводят к татарскому тэнтэк ‘угрюмый, молчаливый, мрачный’ (и, вероятно, в этом случае в названии переосмыслена последняя из указанных сем) или тэндэк ‘ночной’, т.е. ‘северный’ [3].

Кроме того, изменениям подвергались имена собственные с «нетипичной» морфемой. Так, иноязычные топонимы обычно воспринимаются как существительные, но в коми языке имеется весьма распространенный формант *-ю* (< *-юг*) со значением ‘река’ (гидронимы, как известно, часто попадали в ойконимию). Данный формант, в зависимости от фонетической позиции, претерпевал соответствующие изменения: 1) после согласного переходил в *-я* (*Визесью* > *Визесья*), 2) после гласного — в *-j* (*Сусаю* > *Сусай*). Тем самым слова начинали восприниматься как существительные женского либо мужского рода. Оговоримся, однако, что мена *-ю* > *-я* могла произойти и ранее, в родственном коми мансийском языке.

Интересно, что в некоторых случаях иноязычные топонимы, форманты которых не несли (для русских) должной смысловой нагрузки, приобретали русское оформление: *Вежаю* ‘святая река’ > *Вижай* > *Вижаиха* > д. *Вижаиха*,

Уштыгорт > *Уштыгортка*. Особенно любопытны те случаи, когда в ойкониме сохраняется первоначальное название реки, впоследствии изменившееся: д. *Старый Пистим* на р. *Пистимка*. Значимо, что это было характерно не только для тех случаев, когда взаимодействовали русское и иноязычное названия, но и иноязычные названий между собой, ср.: *Тулва* (очевидно, коми по происхождению) и *Тулбаш* (где тюркский формант -баш 'верховье' заменило коми формант -ва 'вода, река').

Наименее же распространенный способ ассимиляции — калькирование. Как правило, калькировались тюркские онома. Выше уже отмечалось, что татарский и башкирский этносы сохранили в неприкосновенности абсолютное большинство своих названий. Кальки и полукальки в данном случае — пример особого рода взаимодействия, которое мы бы назвали «осмысленным заимствованием». Например, в «Списке населенных пунктов Уральской области» зафиксированы такие дублетные названия, как *Карагай-Саз* и *Сосновое Болото*, *Шлык-Баш* и *Верхние Шлыки*. В редких случаях калькированию подвергались русские наименования, ср.: *Сухой Ключ* (*Кэз-Ключ*).

Далее, обратившись к изучению основ топонимов Пермской области, необходимо выделить прежде всего 2 господствующих разряда слов, мотивировавших географических онома: 1) имена собственные и 2) имена нарицательные. Имена собственные, являющиеся исходной производящей основой топонима, — это антропонимы (личные имена, в том числе календарные и некалендарные/языческие, прозвища, фамилии) и топонимы (гидронимы, первичные ойконимы, хоронимы и т.п.).

Обратимся к отантропонимным образованиям и прежде всего отметим, что прозвища и некалендарные имена находятся на периферии, занимая положение между именами собственными и именами нарицательными. Хотя данные онома используются как личные, по происхождению это, как правило, апеллятивы, в т.ч. испытывавшие процесс метафоризации апеллятивы с

предметной семантикой. К специальному рассмотрению фамилий мы также обращаться не будем, поскольку антропоформанты и ряд топоформантов являются омоформами; имеются в виду такие, как -ов/-ев, -ин, -их/-ых, -ск- и др., по происхождению — притяжательные суффиксы.

Итак, рассмотрим особенности отражения в топонимии личного имени. В условиях полиэтнической ситуации, сложившейся в Пермской области, в именах собственных зафиксированы личные имена многих народностей, например: рус. Володя > *Володин Камень*, Родион > *Родионово*, удм., коми Вольог > *Волеги*, *Пачег > Пачга > *Пачгина*, тюрк. Абдула > *Абдулино*, Хазым > *Хазымова*. Некоторым из них свойственны свои антропонимические суффиксы, допустим, финно-угорский (коми, удмуртский) формант -ог/-ег (< цг) (Пистог > *Пыстогов*, Гачег > *Гачеги*), русский -ай (Полежай > *Полежаева*, Лягай > *Лягаево*), тюркский -бай (Билимбай > *Билимбаиха*, Тарнабай > *Тарнабаево*) и др. Относительно коми имен-основ необходимо также отметить, что в топонимах нашли отражение не только языческие именованья. Вполне естественно, что, приняв православие, коми, как в свое время это произошло у русских, переняли христианский именник. Но если одни личные именованья приобрели коми огласовку, то другие (очевидно, те, что были близки по своей звуковой форме фонематике пермских языков) сохранили свою языковую оболочку без изменений, ср.: *Пашыб* связанное с *Паи* 'Павел', *Верх-Пильвенские Гари*, связанное с *Пиль* 'Филипп' — и *Дарья-Шор*, *Романшор*.

Далее, анализ семантики апеллятивов в основах ойконимов позволяет выделить 2 основных типа таких основ: 1) обозначения реалий, заимствованные русскими в иноязычной среде; 2) обозначения реалий, заимствованные носителями другого языка у русских. Большое разнообразие в этом отношении демонстрируют основы первого типа. Однако основы классифицируются при распределении их по тематическим (лексико-семантическим) группам. В данном случае можно выделить следующие ЛСГ (примеры сопровождаются

указанием языка, из которого слово пришло в русские диалекты): 1) географическая лексика: коми *сузёмок ‘глухой лес’ (Полякова, 155) > *Суземок*, тюрк. *яр ‘крутой, обрывистый берег’ (Полякова, 168) > *Черный Яр, Красный Яр*; 2) названия предметов быта: манс. *пайва ‘корзина’ > *Пайвин*, удм. мар. *лянгас ‘берестяная коробка’ (Ф, II, 552) > *Лянгасы*; 3) лексика строения: коми *лабаз ‘небольшой деревянный помост (иногда с шалашом) на деревьях или столбах, на котором помещаются охотники для подкарауливания медведей и других зверей’ (СРНГ, 16, 212) > *Лабазы*, прибалт.-фин. *карас ‘деревянный сруб, заполненный крупными камнями, который используется при постройке мельничных плотин или мостов через небольшие реки; 2) амбарчик в лесу для хранения собранных ягод или шишек’ (СРНГ, 13, 75) > *Карасов*; 4) названия посуды: чув. *шабала ‘шумовка’ (Ф, IV, 389) > *Шабалина*; 5) названия продуктов питания: коми *челпан ‘род хлебца’ (Полякова, 164) > *Челпановский*; б) названия животных, рыб: тюрк. *корсак ‘степная лисица’ > *Корсаки* (Ф, II, 338), коми *кыч ‘карась’ > *Верхняя Кычева* (КРС, 181); 7) названия одежды, обуви, головных уборов: тюрк. *шабур ‘рабочий армяк’ (Ф, IV, 392) > *Шабурова*; 8) лексика, характеризующая человека: тюрк. *танык ‘дока, знаток, умелец’ (Ф, IV, 19) > *Таныкова*; 9) лексика, отражающая профессию, род занятий человека: удм. *тун ‘знахарь, колдун’ (Кривошекова-Гантман, 92) > *Тунегов*; 10) названия средств передвижения и их частей: прибалт.-фин. *кичига ‘жердь на телеге, а также сама телега для перевозки сена’ (СРНГ, 13, 155) > *Кичигина*; 11) лексика, отражающая метеоявления: прибалт.-фин. *падера ‘буря с вихрем, дождем и снегом’ (Д, 3, 7) > *Падеры*; 12) названия мифических существ, нечистой силы: тюрк. *куляш ‘чертенок или водяной’ (СРНГ, 16, 78) > *Куляшовка*; и др.

Необходимо констатировать, что наиболее активный взаимообмен в обратном направлении (из русского языка в тюркские и финно-угорские) происходил в области географической терминологии. И это естественно,

поскольку данную особенность диктует привлекаемый материал — *названия населенных пунктов*. Ср.: *Кузь-Лог* < *кузь* ‘длинный’ и *лог* ‘лог, овраг’.

Тем самым можно говорить о том, что топонимы очень ярко отражают контакты между представителями разных национальностей: территориальные соприкосновения приводят к более или менее тесному взаимодействию культур, что с неизбежностью находит свое выражение в языке. Своеобразным зеркалом взаимодействий становятся имена собственные, фиксирующие особенности географического положения занимаемых этносом территорий, особенности быта, уклада жизни, мышления, психологии, менталитета соседствующих народов. В конечном счете это отображение в языке того, что исторически, с необходимостью предопределило такую пеструю картину в системе и собственных имен, и апеллятивов пермских, угорских, тюркских языков, русских говоров Пермской области. И это отображение того, что объединяло разнящиеся этносы, проживающие на одной территории.

Литература

1. См., например: Полякова Е.Н. Регионализмы в пермских деловых памятниках XVII - начала XVIII в. // Русская региональная лексика XI-XVII вв. М., 1987. С. 134-144.
2. Матвеев А.К. Основные задачи изучения уральской топонимики // Вопросы топониматики. Свердловск, 1967. С. 8.
3. Муминов М.Т. Материалы по этимологии тюркских топонимов Тюменского и Ялуторского районов Тюменской области // Взаимодействие языков. Свердловск, 1969. С. 79.

Использованные сокращения

Д — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. СПб.: Диамант, 1997.

Кривощекова-Гантман — Кривощекова-Гантман А.С. Фамилии от имен на -ег, -ог // Ономастика Поволжья 4. Саранск, 1976.

Полякова — Полякова Е.Н. От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л.; СПб, 1965 — 2000. (Продолжающееся издание.)

Ф — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М., 1984.